

АРКТИЧЕСКАЯ БАЗА

ПОЛЯРНЫЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ
ЗВЕРЕВ

ЛЕДОВЫЕ
СТРАННИКИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Ледовые странники / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Арктическая база. Полярный спецназ).

ISBN 978-5-04-091961-1

На арктическом шельфе в условиях повышенной секретности российские специалисты ведут разработку уникального месторождения замерзшего газа. Перспектива добраться до новых стратегических запасов энергии интересует и западные спецслужбы. Они любыми способами пытаются заполучить российские новейшие технологии. Чтобы избежать утечки информации, с острова Шпицберген решено вывести всю техническую документацию. Операция поручена группе майора Брига. Прибыв на место, спецназовцы неожиданно выясняют, что один из сотрудников Центра исследований завербован ЦРУ. С его слов, в ближайшие сутки Центр будет атакован американскими наемниками. Времени на вывоз секретных материалов не остается, и майор Бриг решается на рискованный шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091961-1

ГЛАВА 1

Дождливым октябрьским утром в здание Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил, более известного как ГРУ, вошел широкоплечий мужчина. По особой выправке, цепкому взгляду из-под сдвинутых бровей и чеканному шагу в нем безошибочно угадывался военный. Поравнявшись с дежурным, он предъявил удостоверение, после регистрации ему было позволено подняться на четвертый этаж.

По тому, как уверенно посетитель ориентировался в здании, было понятно, что пришел он сюда не в первый раз. Он прошел мимо лифта, свернул направо, где располагалась лестница, ведущая наверх. Дежурный проводил его удивленным взглядом, но от комментариев воздержался. В управлении было не принято давать советы посетителям. Здесь вообще предпочитали помалкивать, если к тебе не обращаются. Посетитель не обратился, и дежурный промолчал. Хочется поджарому майору вышагивать четыре пролета вверх — дело его.

А майор уверенно поднимался по лестнице. По его виду невозможно было понять, о чем он думает в данный момент. Озабочен ли, взволнован ли? Непонятно. Лицо — застывшая маска, лишенная эмоций, результат долгих лет служения Отечеству в качестве исполнителя особых заданий на благо Родины и правительства.

В этом здании он действительно бывал не раз, а в последнее время визиты эти стали скорее закономерностью, чем исключением. Нравилось ли это майору? Возможно. На этот вопрос он и сам не дал бы ответа. Есть задача, ее необходимо выполнить, и если для ее выполнения требуются его, майора, навыки и способности, значит, так тому и быть. Мечтал ли он о более спокойной жизни, лишенной грифа секретности? Едва ли. Он так давно служил в армии, что перестал отделять личное от общественного. Проблемы государства — это его проблемы. Примерно такие мысли приходили в его голову, когда он задавался вопросом о личной жизни.

Личной жизни у майора не было по объективным причинам. Вряд ли в его окружении нашлась бы женщина, способная мириться с издержками его профессии. Постоянные разъезды, недомолвки и реальная угроза жизни — кто выдержит такое? Отказаться же от всего этого ради семейного очага майор не был готов. Вот так и вышло, что в возрасте сорока лет он все еще

оставался один. И сомневался, что когда-либо ситуация изменится. Что он может предложить женщине? Холостяцкую квартиру, в которой ей придется триста дней в году жить одной в ожидании вестей о нем? Перспективу хоронить мужа в закрытом гробу с особыми армейскими почестями? И это если повезет. Скорее всего, ей вообще некого будет хоронить. А дети? Как решиться завести ребенка, когда твоя жизнь ежесекундно находится под угрозой?

Подобные мысли роились в голове майора не случайно. Всему виной вынужденное трехнедельное бездействие, которое он воспринимал не иначе как наказание. Последнее задание завершилось для майора не особо удачно. Пулевое ранение в грудь, едва не лишившее его жизни и обеспечившее длительный реабилитационный отпуск, — вот истинная причина философских размышлений о смысле жизни и продолжении рода. Долгие дни и ночи, проведенные на больничной койке, пока организм боролся за жизнь, не в счет. Там было все просто. Ему нужно было выжить, вот и все. Но в пустой холостяцкой квартире, когда боль ушла на задний план, желание иметь под боком родственную душу, человека, с которым можно разделить не только горе, но и банальную скуку, нахлынуло с невероятной силой.

Спас майора телефонный звонок. Три короткие фразы, брошенные полковником Скры-

биним, все поставили на свои места. Прочь скука и хандра! Прочь провокационные мысли! Теперь-то майор избавится от них, как только услышит вводную к новому заданию. В том, что задание не оставит места сентиментальным мыслям, майор не сомневался. В данное учреждение просто так не вызывают.

Преодолев последний пролет, майор завернул за угол. У открытой двери кабинета, поджидая его, стоял полковник Скрябин. Как и положено, дежурный оповестил о прибытии майора.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — приближаясь, козырнул майор.

— И вам того же, майор, — сухо ответил полковник. — Рад, что смогли прийти. Проходите в кабинет.

Майор вошел первым. Полковник прикрыл дверь и прошел напрямик к сейфу. Указав на ближайшее кресло, он жестом предложил майору присесть. Тот охотно выполнил приказ, пулевое ранение все еще давало о себе знать, и простой подъем по лестничным маршам слегка утомил майора.

— Мы вызвали вас сюда, так как беспокоимся о вашем самочувствии, — закончив манипуляции с сейфом, произнес полковник. — Ваше состояние вызывает опасения у медиков.

Одновременно с этим заявлением полковник быстро начеркал несколько слов на одном из ли-

стов для записей и положил его перед майором. Брови майора удивленно поползли вверх. «Это что-то новенькое, — пронеслось у него в голове. — Секретность внутри секретного объекта? Неужели все настолько плохо?»

На листе бумаги было написано следующее: вопросов не задавать, имена не называть, объекты не упоминать. И жирный восклицательный знак в конце. Майор встретился взглядом с полковником, спрашивая, верно ли он истолковал послание. Полковник утвердительно кивнул и начал говорить размеренно и четко. Только вот слова его никак не были связаны с настоящей целью.

— Доктора обеспокоены тем, как проходит реабилитационный период. Они считают, что процесс выздоровления затягивается, и хотят выяснить причину. Вам необходимо просмотреть результаты анализов. Вот они.

Полковник придвинул майору папку. Тот раскрыл ее и начал читать. Естественно, речь шла не о его анализах. Пока майор листал страницу за страницей, полковник разглагольствовал о необходимости взаимодействия с медицинскими работниками и о новейших разработках реабилитационных процедур, применяемых в военном госпитале при управлении. Долистав до последней страницы, майор потянулся за бумагой для записей. Отделив пачку, он вынул из ор-

ганайзера карандаш и широким росчерком задал вопрос: «Что происходит?»

Полковник прочитал, скомкал лист и, пожав плечами, предложил:

— Не хотите прогуляться? Врачи говорят, что это весьма полезно для вашего здоровья.

— С удовольствием, — ответил майор. — На свежем воздухе я действительно чувствую себя гораздо лучше.

Майор кивком головы указал на папку, беззвучно спрашивая, имеет ли он право взять ее с собой, но полковник отрицательно покачал головой и вернул папку обратно в сейф.

Из кабинета они вышли одновременно. На первый этаж спускались на лифте. В полном молчании. Майор осмысливал то, что почерпнул из записей, пытаясь определить, что за задание его ждет. Полковник просто выжидал.

Из управления они направились вдоль по улице к ближайшему парку. Прошли два квартала. У майора создалось впечатление, что полковник не просто опасается слежки, он уверен, что таковая ведется. Беспокойство полковника поневоле передалось ему.

«Что происходит? К чему вся эта секретность? В управлении завелся «крот» и его не могут отследить все их хваленые аналитики? Если так, то почему заниматься вопросом безопасности государства выбрали меня? Они хотят, чтобы

я вычислил «крота»? Бред! Всем прекрасно известно, что у меня совершенно другой профиль работы. Но что тогда? Снова Арктика? Вот это больше похоже на правду».

Придя к такому выводу, майор немного успокоился. О шпионах внутри федеральной разведывательной организации пусть у самих разведчиков голова болит, а он простой спецназовец. Выследить, обезвредить, разоружить, предотвратить катастрофу — это другое дело, а закулисные интриги — не его профиль. Увольте.

Впереди показался небольшой сквер. Полковник свернул туда, увлекая за собой майора. Остановившись на центральной аллее у фонтана, он последний раз осмотрелся и заговорил. На этот раз каждое его слово относилось исключительно к делу.

— Странные ощущения, не так ли? — усмехнувшись, произнес он. — Представьте себе, в таком режиме я работаю уже шесть дней. Рад видеть вас, Бриг.

Майор только плечами пожал. Тот факт, что полковник назвал его не по фамилии, а использовал прозвище, данное майору бойцами отряда особого назначения, чьим командиром он был так давно, что и история не помнит, говорил о многом. Означать это могло только одно: полковника Скрябина сильно приперло. Настолько сильно, что он забыл о субординации. Это об-

стоятельство одновременно и радовало, и пугало Брига.

С полковником Скрябиным он вел уже не первое задание, но тот никогда не позволял себе вольностей в общении. Даже после успешного окончания дела он никогда не обращался к Бригу, используя прозвище. Вот генерал Зуев, непосредственный начальник полковника, от которого исходила инициатива привлечения независимых наемных сил для решения задач особой важности, тот обращался к майору, используя исключительно прозвище. Но не полковник Скрябин. Педант и аккуратист, он всегда следовал протоколу. До сего дня.

Майор оценил состояние полковника. Он не стал акцентировать внимание на своих выводах, вместо этого он встал так, чтобы иметь возможность обзора максимальной площади парка, и задал первый вопрос:

— Вы предполагаете, что обсуждать данное задание в здании разведывательного управления небезопасно?

— В противном случае мы не были бы сейчас здесь, — ответил полковник. — Это не паранойя, если вы об этом. Это конкретная угроза утечки информации. Сугубо секретной информации.

— Дело касается Арктики? Кто-то снова покушается на наш шельф?

— Так и есть. Но на этот раз все куда серьезнее. — Полковник Скрябин тяжело вздохнул, проведя ладонью по лицу. Жест выдавал крайнюю утомленность.

— Из показанных вами документов я смог понять немного. Некие разработки китайцев по добыче газа, особый интерес нашего государства к территории, называемой хребтом Гаккеля, исследовательская миссия на острове Шпицберген — что все это значит лично для меня?

— Я начну с самого начала. Расположиться с удобствами не получится. Мы будем стоять здесь, в центре аллеи, предотвращая возможность утечки информации, и с этим придется мириться. Разговор предстоит долгий, советую запастись терпением, — объявил полковник Скрябин и приступил к рассказу: — Скажите, что вы знаете о природном ресурсе, называемом «горючий лед»?

— Немного. Собственно, только то, что было в СМИ. Природный газ в твердом состоянии, добыча которого требует слишком много финансовых вложений, чтобы окупиться. Если верить прессе, нефтяники из Китая стали первыми, кто смог добыть с океанического дна «горючий лед». Помню цитату заместителя Управления геологических исследований Ли Цзиньфа о том, что это событие станет первым звеном в последующей энергетической революции во всем мире. Еще

он заявил, что последствия этого прорыва будут более значимыми, чем сланцевая революция в США. На мой взгляд, высокопарно и самоуверенно.

Бриг замолчал, ожидая реакции полковника.

— Боюсь, не смогу согласиться с вами, — негромко произнес полковник. — Быть может, для Китая это и утопия, по крайней мере в ближайшие годы, но не для нас. Я имею в виду не для нашей страны. Вы довольно близко знакомы с ситуацией вокруг арктического шельфа и проблем, касающихся интересов России. В свете новых событий они лишь обострились. Вы наверняка знаете о том, что в этом году в Комиссию по границам континентального шельфа ООН Министерством природных ресурсов и экологии была подана доработанная заявка, но вряд ли слышали о том, что в эту заявку был внесен вопрос о признании российских прав на владение хребтом Гаккеля. Думаю, вам неизвестна и причина, по которой российское правительство заявило свои права на этот хребет. Впрочем, будет лучше, если перед вами предстанет вся картина целиком.

Полковник Скрябин на секунду задумался, собираясь с мыслями, после чего повел рассказ, четко и планомерно вводя Брига в курс дела.

Начало истории проистекало из исследований, проводимых учеными в районе Северного Ледовитого океана. Исследования касались ис-

ключительно континентального шельфа и получения доказательств того, что территориально они являются продолжением российских земель.

Первая заявка в Комиссию ООН была отклонена за недостаточностью доказательств, но правительство страны не собиралось отступить. Исследования продолжились. С каждой новой экспедицией доказательств становилось все больше, а в одну из экспедиций российские ученые обнаружили интересные факты относительно хребта Гаккеля и начали его углубленное изучение. И вот тут-то они и сделали главное открытие, сменившее приоритеты исследований. В глубинах океана хребет Гаккеля скрывал огромные залежи природного газа метангидрата.

Само по себе это открытие не было из ряда вон выходящим. Интерес государств, границами которых являлся Северный Ледовитый океан, тем и продиктован, что, по примерным подсчетам ученых, в недрах океанов содержится восемьдесят три миллиарда кубометров условного топлива. К тому же ученые всех заинтересованных государств сходились в том, что вероятность открытия новых крупных месторождений нефти и газа на практически не изученных зонах шельфа очень высока. Но к тому, насколько крупным окажется новое месторождение, российские ученые гото-